
ИДЕЯ ПУТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ О. СУЛЕЙМЕНОВА

Р.И. Утепова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Проспект аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, 050040

В статье рассматривается категория пространства и времени в творчестве О. Сулейменова. На основе поэзии Олжаса Сулейменова произведена попытка дешифровки образа пути, который представлен в разных аспектах. Феномен русскоязычного поэта рассматривается с точки зрения концептуальной картины мира, сформировавшийся в рамках русской, мировой, и национальной культур. Анализ поэтических текстов проведен в семантическом аспекте с применением метода текстовых параллелей.

Ключевые слова: путь, дорога, кочевье, коннотации, образ, судьба

Категории пространства и времени занимают большое место в системе поэтического языка О. Сулейменова, активно формируют норму контекста. Контекстуально-семантические приращения в данном случае опираются на содержание концепта, сформировавшегося в рамках русской и мировой культуры, и на специфически национальный объем понятия, обусловленный духовной культурой, конкретно-историческими факторами жизнедеятельности кочевого в недавнем прошлом казахского народа.

Категории пространства и времени наиболее рельефно представлены в структуре художественной идеи, связанной с термином «путь» как движением в пространстве и во времени.

Как известно, А. Блок считал, что чувство пути — первый и главный признак того, что «данный писатель не есть величина случайная и временная» [3. С. 11].

Художественная идея пути в поэтическом языке О. Сулейменова выражена в словах *путь, дорога, кочевье, улица, блуждания, странствия, хождения, идти, лететь, бродяжить, бродить, кочевать, качаться, кружиться, плыть, ползти, течь, колесить, скакать* и др., каждое из которых, функционируя в контексте поэзии О. Сулейменова, вносит свои оттенки в образ пути и формирует его содержание.

Функционирование самого слова «путь» в поэзии Сулейменова неоднозначно: в одних контекстах значение слова почти не выходит за рамки узкого употребления, хотя и получает контекстуальные приращения, в других создаются сложные «смысловые обертоны», не всегда поддающиеся адекватной интерпретации:

Мы закончили поле,
Другое легло перед нами,
Нам настала пора
Оглянуться на пройденный *путь*.
...Пусть луна, как светящийся камень
Освещает нам путь
По глубоким осенним ночам.
Хлебная ночь —
[10. С. 65]

Если ты человек, сотвори себе имя,
и, быть может, оно
станет символом племени,
молодым и угрюмым,
как вечная ива,
что склонилась
над холодом быстрого времени.
Путь — всегда далеко,
труд — всегда нелегко.
В жадный рот я толкаю
набухшее вымя,
я в тебя погружаю свое молоко,
будь большим, наконец,
сотвори себе имя.
[10. С. 52]

Нелегко проложить *пути*
До вчерашних туманных звезд,
Но трудней на земле найти Путь,
Что в сердце пронес...
Что за путь?
Это долгий тяжелый путь.
Это жизнь,
И твоя и чужая — наша.
[10. С. 41]

В приведенных выше контекстах смысловой объем образа пути основан на некоторых словарных значениях лексемы «путь» и традиционно-культурных коннотациях.

В стихотворении «Хлебная ночь» основой образа становится узуальное значение «полоса земли, предназначенная, приспособленная для передвижения» и коннотации, определяемые сочетанием «пройденный путь», «жизненный путь, прошлое и будущее». В структуру образа пути во втором контексте («Мать») помимо коннотативных компонентов «жизненный путь, будущее» включается и смысл «духовное развитие», который актуализируется в контексте («сотвори себе имя», «будь большим»).

В поэме «Земля, поклонись Человеку» узуальное значение «место, линия в пространстве, по которому или в пределах которого производится передвижение» совмещается со смыслами «нравственная позиция» («путь, что в сердце своем пронес») и «жизненный путь, развитие человечества» («Что за путь? /... Это жизнь, /И твоя и чужая — наша»). Поэт пытается осмыслить выход человека в Космос как закономерный результат долгого, трудного развития человечества, итог многовековой совокупной деятельности.

Иные коннотации сопровождают образ пути в поэме «От января до апреля», написанной в 1963 г. и изданной без купюр только в 1989 г. в составе одноименного сборника. Сложные контекстуальные приращения повышают семантическую ценность образа пути:

Песчаные карьеры Панеряй... Тебе укажут *путь* желтые фанерные стрелы надписей.
Народы ушли по этой *дороге*.

А крест горит.
Когда все это кончится?
Под эту песню на гортанном идиш
я шел в снегу по пояс между соснами,
Я шел *путем*, который не увидишь,
пока не встанешь на него подошвами.
Ударом света лег
последний *путь*.
сквозь тылу костров и дымный треск расстрелов...
[10. С. 14]

Догонит путь.
Не опускай глаза,
гляди в огонь.
Костер уже в агонии.
Гляди, любовь: лица не отвернуть.
Как тесно на земле моей великой!
Крик линча в пламени креста
и крики.
Не говори, что это наш
последний *путь* [10. С. 18].

Реализованное в контексте одно из словарных значений лексемы «путь» «направление движения» осложнено контекстуальными приращениями, связанными с образом рока, судьбы и смерти. Образ смерти подсказан устойчивым сочетанием *последний путь* «о похоронах кого-н., путь к могиле». Однако в контексте актуализируется и второй смысловой план этой языковой единицы как сочетания свободного: последний путь — «отсутствие выбора, тупик» [3. С. 18].

Таким образом, в контексте поэзии О. Сулейменова реализуются узуальные значения лексемы «путь» — то же, что дорога, полоса земли, предназначенная для передвижения; направление передвижения, актуализируются коннотативные компоненты «жизненный путь; духовное развитие; нравственная позиция» и появляются окказиональные смыслы: путь к смерти; судьба еврейского народа; судьба человечества, для которого подобное истребление целых народов может стать гибельным. Лирический субъект поэмы наделен оптимизмом, отражающим поэтическую веру автора в то, что человечество выберется из тупика этических проблем, освободится от нетерпимости в любом ее проявлении — национальной, расовой, религиозной, идеологической, которая в крайнем своем выражении неизбежно приводит к геноциду: «Не говори, что это наш последний путь».

Подобная интерпретация образа пути возможна с учетом контекста всей поэмы, которая заканчивается следующими словами:

И толпы бурно в зелень
как трава,
садами расцвели!..
Не грели стяги,
И те сады — под корень, на дрова.
Сквозь январей метели до дождей
страна летела.

Робко на проталинах —
озимые
Проходит век дождей.
Коричневых, янтарных, алых,
сталиных [10. С. 24].

Художественная идея пути воплощается и в образе дороги. Мы уже увидели, что в контексте указанной выше поэмы лексем «дорога» и «путь» синонимизируются в значении, связанном с образом смерти: «Народы ушли по этой дороге», ср. выражения: *уйти из жизни*, *уйти в небытие*.

Проанализируем еще несколько стихотворений, в которых образ дороги представлен в разных аспектах.

Бетпак-Дала —
Дорога.
Ой, дорого ей заплатил казах.
Пустыня —
От порога до порога
Все сто *дорог*
Вели его назад [10. С. 53].

Эй, Петербург,
твои абреки лучшие
меня в степях, как родича, нашли.
Они прошли
в ночах,
в огнях,
в дыму.
дорогами холодными и горькими.
Мне Лермонтов бросает
бурку гордости,
Когда-нибудь, случится,
подниму.
Ты — родич мой, мы — сыновья Земли [10. С. 174].

Укажи мне *дорогу* на Балатон
Проскачу навсегда, навсегда.
Неизвестно откуда.
Только следа я оставлю глубокие Людям,
Чтобы после донцей
Весь мой *путь* представлялся врагам
Вереницей пиал.
Чтоб они не сгорели от жажды,
Как я [10. С. 18].

Степные *дороги* —
летописные строки.
Я умею читать эти тропы.
Караваны тянулись,
траву приминали таборы,
миновали кочевья,
оставив на глинах метафоры [10. С. 178].

В первом и втором случаях («Бетпак-Дала...» и «Эй, Петербург...») мы наблюдаем осложнение поэтического концепта дороги семантическими наслоениями, связанными с образом судьбы. Дороги «гордых сыновей» Петербурга (сема «гордость» потенциально заложена в структуру лексемы «абреки» и эксплицирована в метафоре «бурка гордости») — «холодные, горькие». Переносное значение слова «горький» оживляет в сознании устойчивое сочетание «горькая доля», т.е. тяжелая, горестная, что, в свою очередь, приводит к актуализации нескольких смыслов в структуре эпитета «холодный»: прямого значения (о низкой температуре) и переносных «равнодушный, бесстрастный», «строгий, недоброжелательный» [4. С. 15] — поэтическая оценка атмосферы общества, окружавшего Пушкина, Лермонтова.

Семантический объем образа дороги в стихотворении «Бетпак-Дала...» включает словарные значения «полоса земли, служащая для езды и ходьбы; направление, путь следования; путь развития» [6. С. 15], а также индивидуально-авторские смыслы «судьба целого народа, вынужденного жить в пустыне; безысходность существования, отсутствия развития» («Все сто дорог/ Вели его назад»).

В «Песне кумана» лексема «дорога» реализована в прямом значении: «полоса земли, служащая для езды и ходьбы, направление, путь следования» [6. С. 15]. Конкретизация образа дороги явственно ощущается на фоне этико-философского содержания словесного образа пути: «оставить после себя такие следы, чтобы даже врагу они могли быть полезны». Однако если учесть, что куманы — древнее степное племя, судьба раскидала его членов по обширному пространству, и позднее они вошли в различные этнические сообщества, в том числе и в состав венгерского народа, то семантический объем образа дороги расширяется до известного нам смысла: «судьба народа, судьба историческая».

Образ дороги в стихотворении «Баллада» также олицетворяет историческую судьбу народа («степные дороги — *летописные* строки»), испытавшего в тысячелетней истории существования и взлеты, падения. С одной стороны, перед нами приметы современности («Извиваясь, уходит к увалам *хроникальная* лента — по асфальту гудят самосвалы, внося свою лепту в исторический шум»), с другой — развалины древнего поселения Шар-Таг, осколки керамики, разрушенные кирпичные стены — следы прошлого.

Поэтическое осмысление образа дороги как жизненного пути и судьбы, но уже связанной с будущим, прослеживается в следующих контекстах, любопытных тем, что дорога в них определяется почти одинаково — «дальняя», «далекая»:

Здесь долг я понял
перейти года,
возвысить степь, не унижая горы.
Схвати ладонь мою и нагадай,
Себе *дорогу дальнюю*, мой город... [10. С. 15]

И будет мне *дорога далека*,
и каждый полустанок,
как — Казанский ... [10. С. 15]

Если поэт —
прочти мне для души
дастан Саади о *дороге дальней* [10. С. 15].

Интересно, что смысловой объем образа дороги-судьбы связан в первом («Здесь долг я понял...») и третьем («Если поэт...») контекстах с идеей гадания, предсказания будущего. Поэтический контекст актуализирует смысл формульного выражения «дальняя дорога» — «судьба, связанная со странствиями, путешествиями; длительная поездка; долгая жизнь», порождает новые смысловые нюансы: «расцвет, развитие»; «нагадай себе дорогу дальнюю, мой город».

Итак, индивидуально-поэтический смысл образа пути, выраженного в словах «путь» и «дорога», — путь, направление передвижения, жизнь, духовное развитие, расцвет, нравственная позиция, судьба, в том числе судьба народов и человечества в целом, а также в некоторых контекстах безысходность, смерть — сформирован на основе общеязыковых, словарных значений этих лексем и семантического объема образов пути, дороги в русской культурной традиции.

Художественная идея пути в ее пространственном выражении связана в поэтическом сознании О. Сулейменова и с концептом кочевания, и эта особенность наложила отпечаток на всю художественно-эстетическую систему его поэзии.

Кочевание как основной способ существования многочисленных племен с незапамятных времен до образования казахского народа сохранилось в некоторых своих формах до сих пор. Но особенно важно, что эта форма жизнедеятельности, обусловленная средой обитания, отложилась в системе мировоззрения народа, вошла в структуру целостной концептуальной картины мира.

Индивидуально-поэтические коннотации, связанные с образом кочевания, во многом проясняет стихотворение «Айналайн» (1967):

Кочую по черно-белому свету
Мне дом двухэтажный построить
советуют,
а я, как удастся, какая оказия,
мотаюсь по Африкам, Франциям, Азиям.
В Нью-Йорке с дастанами выступаю,
в Алеппе арабам глаза открываю [10. С. 15].

А нас хоронили — ногами на запад,
... не зная, что
Азия западней
Запада,
Запад —
восточней Китайского моря,
Кружись, айналайн, Земля моя!
Как никто
Я сегодня тебя понимаю,
все болезни твои на
себя принимаю,
я *кочую, кружусь* по дорогам
твоим... [10. С. 15].

В этом стихотворении, одновременно ироничном и серьезном, образное осмысление концепта пути-кочевания становится основой смысловой многоплановости. Кочевание как перемещение в пространстве по пути, в конечном счете

круговому, обуславливает появление окказиональных смыслов в художественно-эстетическом содержании образа пути. В поэтическом сознании О. Сулейменова кочевать означает путешествовать по «черно-белому свету». Трансформация фразеологизма белый свет становится возможной благодаря указанному ранее противопоставлению черного и белого — одной из важнейших семиотических оппозиций, в общих чертах воплощающих противопоставление добра и зла. Окказиональное выражение «черно-белый свет» в поэтическом языке Сулейменова — «противоречивый мир добра и зла, реальное состояние человечества». Идея кругового пути накладывается на представление Земли в виде шара, «простой круглой звезды». Отсюда осмысление кругового пути как пути лирического субъекта поэзии Сулейменова по Земле, путешествий по «Африкам, Франциям, Азиям». Становится понятной та «парадоксальность» пространственных впечатлений поэта, о которой говорил Л. Аннинский [1. С. 15]. Исходя из относительности деления Земли — сферической поверхности — на запад и восток, Сулейменов приходит к мысли и об относительности исторического, религиозно-идеологического противопоставления частей земного шара, сложившегося за многие века в представлении человечества. («А нас хоронили — /ногами на запад/, не зная, что/Азия западней/ Запада»). Взгляд глобальный, как бы со стороны, из космоса, естественно, наводит на мысль о том, что планета — единый организм. Этот же взгляд определяет еще один ряд коннотаций, связанных с образом Земли и со смыслом казахского слова «айналайн».

«Айналайн» — (букв. да /пусть/ закружусь я вокруг тебя) — междометие, функционирующее в казахском языке для выражения любви или в качестве ласкового обращения старшего к младшему по возрасту. Междометие это омонимично форме 1-го лица единственного числа повелительного наклонения глагола «айналу» (кружиться). Такая форма повелительного наклонения, не свойственная русскому языку, в современном употреблении выражает также желание, намерение субъекта. Связь между этими словами, почти не актуальная в современном казахском языке, была обусловлена забытым ныне древним обычаем.

«Есть жертва круговая — айналмак: жертва три раза обходит существо, для которого люди /это/ делают. Так, схватывают птицу, окружают (т.е. обводят) три раза вокруг головы и отпускают. Она берет все несчастья и болезни на себя. Человек, делая то же (т.е. обходя кругом больного), принимает (его болезни) и предлагает себя духам», — описывал в свое время обряд врачевания у казахов Ч. Валиханов [7. С. 15].

«Айналайн», — обращается поэт к Земле, выражая этим и свою любовь и вкладывая в это слово буквальный смысл древнего обряда: «все болезни твои на себя принимаю» и смысл, связанный с образом жизни: «Я кочую, кружусь по дорогам твоим...» [5. С. 15].

Комментарий автора, которым сопровождается стихотворение, свидетельствует о стремлении поэта быть понятным русскому читателю: обращение к дорогому человеку — «айналайн» (кружусь вокруг тебя) — подстрочный (смысловой) перевод: «принимаю твои болезни» и «любовь моя».

Следовательно, семантический объем образа пути, связанный с концептом пути-кочевания, в поэтическом языке О. Сулейменова выходит за рамки обще-

известного содержания. Путешествовать, участвовать по мере сил в «излечении» планеты от социальных, экологических «болезней», — примерно таков художественно-эстетический смысл пути-кочевания, пути-кружения, включающего в себя и то эмоциональное состояние, которое сопровождает лирического субъекта поэзии Сулейменова в пути.

Индивидуально-авторский смысл проанализированных образов определяет норму контекста поэтического языка Сулейменова, с точки зрения которой объяснимы и названия циклов «Мировое кочевье», «Айналайн, Земля моя», объединяющих стихотворения, написанные в разное время под впечатлением путешествий, и содержание стихотворения «Мы — кочевники (А. Вознесенскому)» [10. С. 15]:

Андрей! Мы с тобою *кочевники*,
нас разделяют пространства
культур и эпох
мы бродяжим по разным маршрутам...
...
это кажется мне: Аз и Я — Азия,
ошибаясь:
Мы кочуем навстречу себе,
узнаваясь в другом [10. С. 15].

С учетом индивидуально-поэтического смысла образа кочевания можно сказать, что в образе поэта-«кочевника» воплощена идея постоянного духовного движения к постижению мира, людей, с одной стороны, и идея племени, родства — с другой.

Но это движение не линейное, а цикличное, возвращение к началу на другом уровне («Мы кочуем навстречу себе, / узнаваясь в другом»).

Таким образом, узуальное значение лексемы «кочевать» — «вести подвижный, кочевой образ жизни» в контексте поэзии О. Сулейменова перерастает в обобщенно-символическое «постоянное духовное движение к постижению мира и себя, сопряженное с цикличностью, повторяемостью пути, с возвращением к истокам в качественно новом состоянии» (Мировое кочевье).

Выявленные в рамках художественной идеи пути семантические наслоения отражают специфику индивидуально-авторского мировидения поэта как результата активного воздействия национально-казахской картины мира.

Интересно в этом аспекте осмысление традиционно-казахских представлений о дороге. По обычаю казахов считается дурным тоном спрашивать у путника, куда и зачем он направляется. В напутствии «Жол болсын» («Доброго пути») содержится и пожелание, и вопрос, «дорога в традиционной культуре окружена пие-тетом, связана с чутким ожиданием и свершениями, начало пути всегда освящается обрядами» [11. С. 15]. Характеризуя образ пути-дороги в эпопее М. Ауэзова «Путь Абая», К.Ш. Нурланова отмечает преемственность хронотопа дороги, его фольклорную основу: «Дорога, входя в... одухотворенное целое природы, имеет самостоятельное значение... олицетворяет начало, вершины и результаты человеческих намерений и деятельности» [11. С. 15]. Дорога — предназначение; до-

рога — альтернатива добра и зла; дорога — олицетворение конечной цели, благословление; движение, восхождение духа...

Как видим, образное содержание концепта пути-дороги в казахской культурной традиции мало чем отличается от образа пути в русской культуре.

Однако для русского человека концепт дороги существенным образом определяется бескрайними просторами России, поэтому на первом плане коннотации, связанные с неизвестностью, открытием нового мира, ожиданием будущего. В представлении же кочевого народа дорога, которая проходит по одному и тому же маршруту из поколения в поколение, растянувшаяся на десятилетия, в течение которых человек растет, обогащается опытом и знаниями, — такая дорога, в первую очередь олицетворяет цикличность жизни, возвращение к истокам, но уже в совершенно новом качестве, узнавание давно забытого.

Именно поэтому художественно-эстетическое содержание концепта пути как движения по кругу в поэзии О. Сулейменова существенно отличается от образа кругового пути в других поэтических системах. Показательно, что в поэзии А. Блока этот образ связывается с неподвижностью, неизменностью мира, безысходностью «неподвижного» движения по кругу, бесцельностью «кружения» и, в конечном счете, с косностью человеческой души. Эпитет «бесцельный» встречается у Блока много раз, столь же часто, как и «напрасный». Еще в 1904 г. Блок говорил о «бесцельности» кружения своего лирического героя.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аннинский Л.* Пройдя сквозь дебри // Вместе с Олжасом. RDW-Vaumbach, Германия, 1996.
- [2] *Аннинский Л.* Меж свободой и волей // Родина. 2004. Вып. 2. С. 23—25.
- [3] *Атаходжаев А.А.* Роль тюрко-согдийского билингвизма в истории цивилизации Центральной Азии // Материалы II Международной научной конференции «Язык и культура» // Вопросы филологии. 17—21 сент. 2003. С. 577.
- [4] *Ахметов З.* Национально-характерные черты поэзии О. Сулейменова // Ахметов З. О языке казахской поэзии. Алма-Ата: Мектеп, 1970. С. 176—179.
- [5] *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность: русскоязычный национальный писатель и особенности его русского художественного текста: монография. М.: Триада, 2005. 192 с.
- [6] *Бузаубагарова К.С., Жовтис А.Л.* «Новая» рифма в поэзии Олжаса Сулейменова // Известия АН Каз. ССР. Сер. Филолог. 1982. № 3. С. 43—50.
- [7] *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М., 1980. 360 с.
- [8] *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.
- [9] *Жирмунский В.М.* Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1946. 178 с.
- [10] *Сулейменов О.* Эссе. Публицистика. Стихи. Поэмы. Алма-Ата: Жалын, 1990.
- [11] *Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981. 1984.*

THE CATEGORY OF TIME AND SPACE IN THE WORKS OF O. SULEIMENOV

R.I. Uteпова

Kazakh national university of al-Farabi
Al-Farabi's prospectus, 71, Almaty, Kazakhstan, 050040

The article deals with the category of time and space in the works of O. Suleimenov. Based on the poetry of Olzhas Suleimenov attempted to decrypt the image path, which is presented in different ways. The phenomenon of the Russian-speaking poet, considered from the point of view of a conceptual image of the world, formed in the framework of Russian, global and national cultures. Analysis of poetic texts held in the semantic aspect of using the method of textual parallels.

Key words: path, road, nomadic, connotations, the image of fate

REFERENCES

- [1] Anninsky L. Proidya skvoz' debri [Passing through the jungle]. Vmeste s Olzhasom [Together with Olzhas]. RDW-Baumbach, Germany, 1996.
- [2] Anninsky L. Mezh svobodoi i volei [Between freedom and will]. Rodina [Homeland]. 2004. Vyp. 2. P. 23—25.
- [3] Atakhodzhaev A.A. Rol' tyurksko-sogdiiskogo bilingvizma v istorii tsivilizatsii Tsentral'noi Azii [The role of the Turkic-Sogdian bilingualism in the history of civilization of Central Asia]. *Materialy II Mezhdynarodnoi Konfertsii "Yazyk I Kul'tura"* [Proceedings of the II International Conference "Language and Culture"]. Philology. 17—21 September. 2003, p. 577.
- [4] Akhmetov Z. Natsional'no-kharakternye cherty poezii O. Suleimenova [National characteristic features of poetry O. Suleimenov]. Akhmetov Z. O yazyke kazakhskoi poezii [Kazakh language poetry]. Alma-Ata: Mektep, 1970, p. 176—179.
- [5] Bahtikireeva U.M. Tvorcheskaya bilingval'yaya lichnost': russkoyazychnyi natsional'nyi pisatel' i osobennosti yego russkogo khudozhestvennogo teksta [Creative bilingual identity: a Russian national writer and especially its Russian art text: monograph]. M.: Publishing House of the Triad, 2005, 192 p.
- [6] Buzaubagarova K.S., Zhovtis A.L. Novye ritmy v poezii Olzhasa Suleimenova [The "new" rhyme in poetry Olzhas Suleimenov]. *Izvestiya AN Kazakhskoi SSR* [Proceedings of the Academy of Sciences of Kazakh SSR]. Ser. Philologist. 1982. №3, p. 43—50.
- [7] Vinogradov V. O yazyke literatury [On the language of literature]. M., 1980, 360 p.
- [8] Gumilyov L.N. Drevniye t'urki [Ancient tyurki]. M.: Nauka [Science], 1967, 504 p.
- [9] Zhirmunsky V.M. Literatyrnyye otnosheniya Vostoka i Zapada kak problema sravnitel'nogo literaturovedeniya [Literary relations between East and West as a problem of comparative literature]. L.: Publishing House of Leningrad. University Press, 1946, 178 p.
- [10] Suleimenov O. Esse. Publitsistika. Stikhi [Essay. Reading. Poems. Poems]. Alma-Ata: Zhalyyn, 1990.
- [11] Slovar' Russkogo yazyka: V 4 t. [Russian dictionary: In 4 vols.]. Ed. Evgenyeva A.P. Moscow, 1981—1984.